

Илья Дмитриевич Казаков

Самарский государственный социально-педагогический университет, г. Самара, Россия, Kazakov.ilya@psga.ru

КАРАТЕЛЬНАЯ СИСТЕМА РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В БОРЬБЕ С КРЕСТЬЯНСКИМИ ВЫСТУПЛЕНИЯМИ (НА МАТЕРИАЛАХ САМАРСКОЙ ГУБЕРНИИ)

Аннотация. В статье проанализирована работа правоохранительных органов Самарской губернии во время крестьянского выступления в Кинель-Черкассах. Отдельно рассмотрены функции жандармского управления и полиции по отношению к выступлению. Выявлены проблемы, с которыми столкнулись правоохранители Самарской губернии. В работе рассматривается деятельность боевой дружины на территории Кинель-Черкасской слободы, ее способы и механизмы в борьбе с представителями власти.

Ключевые слова: Самарское губернское жандармское управление; эсеры; антиправительственные демонстрации; жандармы; общая полиция; революция.

Ilya D. Kazakov

Samara State University of Social Sciences and Education, Samara, Russia, Kazakov.ilya@psga.ru

THE PUNITIVE SYSTEM OF THE RUSSIAN EMPIRE IN THE SUPPRESSION OF PEASANT PROTESTS: EVIDENCE FROM THE SAMARA GOVERNORATE

Abstract. This article analyzes the activities of law enforcement agencies in the Samara Governorate during the peasant uprising in Kinel-Cherkassy, identifying the challenges faced by corresponding officials. Particular attention is given to the functions of the gendarmerie and the police in responding to the unrest. The article also examines the activities of a militant group operating in the Kinel-Cherkassy sloboda, along with its methods and mechanisms of resistance against government representatives.

Keywords: Samara Governorate Gendarmerie Department; Socialist Revolutionaries; anti-government demonstrations; gendarmes; general police; revolution.

Начало XX века стало для России временем особых изменений. Желание модернизировать государственно-правовую и политическую систему привело к появлению документа, по которому научное историческое общество до сих пор не имеет четкой позиции. По мнению ряда специалистов, этот документ стал «первой конституцией страны», однако другие исследователи считают, что это мнение преувеличено, так как он не создавал «перехода от самодержавия к ограниченной монархии», а следовательно, и не мог быть конституцией [1, с. 95–98; 2, с. 7–17; 3, с. 181–186]. Речь о Манифесте «Об усовершенствовании государственного порядка», принятом 17 октября 1905 года императором Николаем II. Этот документ стал одним из первых, имеющих статус всеобщего характера. В нем были провозглашены права и свободы, которые формально были предоставлены всем российским подданным, не учитывая их положение [3, с. 181–183]. Публично дарованные населению возможности свободно говорить, собираться и создавать союзы привели к увеличению оппозиционных сил и усилению борьбы с самодержавием, что, в свою очередь, бросало новые вызовы карательной системе Российской империи. Перед представителями силовых структур ставились новые

задачи в борьбе с революционными выступлениями. Одной из таких задач стала усиленная работа по предотвращению и подавлению крестьянских выступлений, количество которых выросло в разы. Так, например, в своей работе «Крестьянство в период трех революций» В. Г. Тюкавкин и Э. М. Щагин пишут о том, что за весь XIX век было 11 тысяч крестьянских выступлений, а за 2,5 года революции их количество было в два раза [4, с. 70]. То, как вели себя крестьяне в 1905 году, довольно лаконично и точно описывает Р. Пайпс: «Поднялась волна крестьянских беспорядков. Было бы нелепо искать в этом разгуле насилия, разбушевавшегося на целых два года, какую-либо логику. Это были всплески копившейся обиды» [5, с. 57]. Таким всплеском стало и крестьянское выступление в слободе Кинель-Черкасской, превратившееся из обычного схода в кровавую борьбу с силами власти и затянувшееся на несколько месяцев.

Целью работы является анализ действий карательного аппарата Самарской губернии по отношению к крестьянским выступлениям на примере событий, произошедших в Кинель-Черкасской слободе.

Методологической основой исследования являются принципы историзма и объективности, кото-

рые предполагают изучение исторических явлений в их развитии, рассмотрение исторических событий в их взаимосвязи и взаимообусловленности. В связи с этим деятельность корпуса жандармов в Самарской губернии была рассмотрена в рамках исторической эпохи. В работе использован метод критического анализа источника.

Чтобы понять, как действовала карательная система в борьбе с крестьянским восстанием Кинель-Черкасской слободы, необходимо обратиться к хронологии событий. 29 июня 1906 года в районе четырех часов дня с колокольни Троицкой церкви Кинель-Черкасской слободы раздался набат, после чего на базарной площади и около хлебных амбаров стал активно собираться народ. Во главе собравшихся встал местный крестьянин Гавриил Татаринцев. Одним из главных поводов сбора стала речь депутата Государственной Думы Алексея Фёдоровича Аладына, носившего среди журналистов прозвище «Мужик из Государственной Думы» [6]. Он был родом из Самарской губернии и в Думу был выбран от крестьянской курии [7]. Главной мыслью речи, которую цитировал Татаринцев, была новость о том, что Государственная Дума разработала закон, по которому все казенные, удельные и помещичьи земли будут отданы крестьянам с растущим на них урожаем, но так как этот закон до Самарской губернии доходить будет долго, помещики успеют собрать урожай, обмолотить и продать зерно, а «начальство Самарское» будет им в этом всячески помогать. Поэтому необходимо вооружаться и в случае, если руководство и правда будет помогать помещикам, сменить его силой и поставить своих выборных [8, с. 59–60].

Так как Кинель-Черкасы входили в состав Бугурусланского уезда, первым прибывшим на сход был уездный исправник Любенецкий [9, л. 6–8]. Хотя дело с самого начала носило явно политический характер, первым в него вмешался именно представитель общей полиции. Связано это было, в первую очередь, с расширенными функциями полицейских. В начале XX столетия деятельность чинов общей полиции была настолько обширна, что включала в себя ряд полномочий, которые могли и вовсе к ней не относиться. Особенно хорошо это просматривалось в небольших городах и уездах, где функции полиции расходились от основных правоохранительных до административно-исполнительных и административно-хозяйственных [10, с. 141–145].

В то же время одной из важнейших задач полиции было взаимодействие с жандармским корпу-

сом, которое порой было очень неоднозначным. Все дело в том, что полиция не раз становилась виновником провала жандармской агентуры. Стремление «удержать за собой честь открытия» не раз приводило к срыву наблюдения и рассекречиванию агентов [1, с. 133]. Отдельно стоит сказать и о служебных взаимоотношениях сотрудников жандармского корпуса с полицейскими чинами. Они были также усложнены рядом обстоятельств: 1) представители жандармского корпуса, ровно так же, как и представители охранного отделения, могли давать поручения представителям общей полиции, но не наоборот; 2) одной из задач общей полиции было исполнение функций политического сыска, при отсутствии в местности жандармских офицеров [1, с. 129–130]. Таким образом, учитывая все вышеизложенное, приезд на крестьянский сход представителя общей полиции является вполне понятным и объяснимым явлением. Прибывший вместе со своими стражниками Любенецкий выполнял сразу две задачи: 1) пытался обеспечить общественный порядок, как полагается представителю общей полиции; 2) хотел прервать начавшееся революционное собрание, что, как показывают дальнейшие события, сделать не удалось. Попытки остановить митинг, а в последующем разогнать собравшихся привели к тому, что крестьяне проявили агрессию и ответили физическим сопротивлением. Стражники вместе с исправником были закиданы камнями. Позже произошло еще одно нападение на чины полиции, после которого Любенецкий рапортовал, что «все чины пешего отряда готовы разбежаться... Некоторые стражники стали просить меня вывести отряды из слободы и тем еще раз доказали мне свою неустойчивость» [9, л. 8].

Ощущение неблагонадежности среди стражников и боязнь усиления революционного влияния в Кинель-Черкасах привели к тому, что в слободу были направлены не только чины общей полиции, но и силы армии. 30 июня 1906 года командир полусотни Оренбургского казачьего полка отрапортовал Самарскому губернатору о прибытии в слободу [9, л. 12]. Предполагалось, что присутствие войск в слободе сбавит «пыл» революционеров, однако этого не произошло. Крестьяне неоднократно устраивали мелкие стычки со стражниками и военными, провоцировали их, а в ночь с 24 на 25 июля 1906 года и вовсе пришли толпой к земскому начальнику 1-го участка Рычкову во главе с Гавриилом Татаринцевым, который уже официально был объявлен в ро-

зык полицией [9, л. 38–40]. Основным посылом крестьян являлось желание выгнать за пределы Кинель-Черкасской слободы всех стражников во главе с исправником и другими полицейскими и организовать собственную полицию [9, л. 87]. О том, что это желание в итоге стало конкретной целью восставших, говорит командир 2-й роты 8-го пехотного Эстляндского полка, который так же находился на тот момент в Кинель-Черкасской слободе. В своем рапорте он рассказывает о том, как «активные» крестьяне, путем переодеваний в стражников, провоцируют местных жителей на конфликты, тем самым вызывая ненависть как к стражникам, так и к военным. «Общая картина слободы Кинель-Черкасской такова... жители слободы крайне раздражены на стражников и на сходе постановили во что бы то ни стало прогнать их из Черкасс» [9, л. 98].

Упомянутые выше события не могли остаться без внимания Самарских властей. Все доклады, рапорты и допросы передавались в губернаторскую канцелярию и рассматривались И. Л. Блоком лично. 2 июля 1906 года губернатор Блок отправляет большое письмо своему вице-губернатору И. Ф. Кошко, в котором довольно подробно описываются все события, произошедшие в слободе. Письмо губернатора заканчивается следующими предложениями: «...прошу Ваше Высокоблагородие завтра же отправиться в Кинель-Черкассы... обо всем, что вами будет на месте найдено, прошу безотлагательно мне сообщить» [9, л. 16–17]. Забегая вперед, стоит сказать, что именно решения Кошко во многом сказались на всех событиях, которые произойдут в Кинель-Черкассах позже. Приехав в слободу, Кошко сразу же начал активную работу. Он присутствовал на допросах, общался с местными жителями и даже был инициатором крестьянского схода, на котором активно общался с местными крестьянами. Итогом выезда стал большой рапорт вице-губернатора, в котором он довольно подробно описывает всю свою работу, подытоживая очень важной фразой: «В настоящем положении мне кажется необходимым арестовать всех лиц, даже тех, против которых имеется 1 показание. Думаю, что эта мера одновременно с пребыванием войска будет Черкассы держать в порядке» [9, л. 23–26]. Спустя время станет ясно, что это решение было одним из самых правильных в той ситуации, в которой находилась власть и правоохранители Самарской губернии. Помимо прямого участия в разборе событий, произошедших в Кинель-Черкасской сло-

боде, еще одной важной для Самарской власти задачей было информирование о происходящем Министерство внутренних дел и Департамент полиции. В отправляемых письмах довольно подробно описывались произошедшие события, а также докладывались результаты обысков, задержаний и прочих оперативно-розыскных действий [9, л. 53–54].

Одним из важнейших вопросов в разборе крестьянского выступления с насилием против властей в Кинель-Черкасской слободе является роль и деятельность жандармского корпуса. В документах канцелярии Самарского гражданского губернатора, находящихся на хранении в Центральном государственном архиве Самарской области и посвященных событиям в Кинель-Черкассах, практически отсутствуют упоминания о жандармах. Лишь несколько, почти никак не связанных с делом писем были адресованы губернатором начальнику Самарского жандармского управления. Важным упоминанием о жандармах является письмо политического заключенного Александра Юрина, которое он адресовывал «начальнику Самарской губернии». В этом письме Юрин описывает момент своего задержания, жалуется на то, что дело после ареста не продвигается, но главное – упоминает фамилию задержавшего его жандарма, называя его при этом близоруким и не имеющим никакого права носить имя «жандарм» [9, л. 113–114]. Это письмо является одним из немногих доказательств того, что жандармы все-таки в слободе присутствовали, но какая задача перед ними стояла, что они там делали и как долго находились, на момент написания статьи неизвестно. Изучая фонд 468, в котором хранятся документы СГЖУ, автором так же не было найдено никакой информации о событиях, произошедших в Кинель-Черкасской слободе. Продолжая поиски архивных материалов на данном этапе изучения упомянутого выше вопроса, автор выделяет следующие причины, по которым упоминания о жандармах отсутствуют.

1. Документы могли быть утеряны. В своей работе «Тонкая синяя линия: жандармы и общество на закате империи» А. М. Лаврѐнова говорит о том, что потеря документов жандармскими специалистами – явление обычное. «Архивные материалы спасли нам случаи хранения секретной переписки у писаря вместо начальника управления; помещения архива на открытых полках в общей писарской комнате, где “дела могли легко и незаметно утрачиваться”» [1, с. 35].

2. Тяжелые отношения губернатора Блока с руководством Самарской жандармерии могли привести к тому, что губернатор всячески старался избегать какого-либо взаимодействия с представителями политической полиции. И. Л. Блок часто критиковал руководство СГЖУ, особенно И. И. Каратеева, руководившего управлением в год Кинель-Черкасского выступления. Блок утверждал, что начальник управления совершенно некомпетентен и не знает, как обстоят дела в губернии [11, с. 147]. О кризисе между жандармами и властью в своих мемуарах говорит и вице-губернатор Кошко. Иван Францевич пишет о том, что во главе жандармов стоит уставший и болезненный генерал, а его уездные помощники запуганы торжествующей революцией, именно поэтому они «делали вид, что мало осведомлены и пробавлялись ничего не стоящими дознаниями» [8, с. 51]. Таким образом, можно предположить, что Блок не имел доверия к жандармскому управлению и всячески старался решать вопросы не привлекая жандармов. Это доказывает и переписка с чинами общей полиции и личные доклады губернатора и вице-губернатора как в МВД, так и в Департамент полиции [9, л. 53–54].

3. Причина практически полного отсутствия «жандармского следа» вытекает из второй и прямо связана с «Положением о корпусе жандармов» от 16 октября 1967 года. В пункте 26 Положения говорится о том, что губернские жандармские управления несут обязанности «только наблюдательные», а также приступают к восстановлению порядка только тогда, когда будут приглашены «местными властями» [12]. Упомянутый выше конфликт губернатора И. Л. Блока с руководством Самарской жандармерии вполне мог стать причиной нежелания приглашать сотрудников политической полиции к участию в восстановлении порядка в Кинель-Черкасской слободе. Еще одним подтверждением данной причины стал разговор вице-губернатора И. Ф. Кошко с помощником начальника губернского жандармского управления, который, как описывает в своих мемуарах вице-губернатор, находился в Кинель-Черкассах и был осведомлен о произошедших в них событиях. Ротмистр сообщил Кошко о том, что в слободе действует боевая революционная организация. Иван Францевич же ответил, что ротмистр «сгущает краски» и это просто «хулиганская сплоченность». В конце описания разговора Кошко пишет: «Последовавшие после того события показали, как я был не прав» [8, с. 59].

И действительно, то, что вице-губернатор не поверил помощнику начальника СГЖУ и, можно предположить, не стал прямо взаимодействовать с жандармским управлением, привело к тому, что 1 августа 1906 года Кинель-Черкасская слобода вновь замелькала в жандармских сводках. В этот день пристав 1-го стана Фролов и командир 2-й роты Эстляндского полка капитан Иванов возвращались от земского начальника, который проживал на выселках слободы под названием «Печи». Проезжая конопляники, капитан и пристав попали под обстрел. Как выяснится позже, нападение совершила боевая революционная дружина, в составе которой был Гавриил Татаринцев, уже несколько месяцев разыскиваемый полицией. Фролов и Иванов не были ранены, но был убит ямщик – 13-летний мальчик [9, л. 83–86]. По итогу расследования выяснилась причина нападения – ликвидация представителей власти для укрепления революционных позиций в слободе, однако Кошко в своих мемуарах озвучивает еще одно предположение, из-за которого могло быть совершено нападение. По мнению вице-губернатора, в конопляниках революционными лидерами было собрано «какое-то особенно важное совещание». Такие собрания всегда охранялись выставленными наблюдательными постами. И для того, чтобы максимально уберечь этих лидеров от встречи с полицией, а их, как пишет Кошко, «революция берегла пуще глаза», наблюдательным постам была дана задача при виде полиции открывать огонь. Возможно, именно это и стало причиной нападения [5, с. 78]. События, произошедшие 1 августа 1906 года, показали серьезность намерений революционной ячейки Кинель-Черкасской слободы, а также очередной раз подчеркнули неэффективность работы всей карательной системы губернии.

Кинель-Черкасское крестьянское выступление закончилось для революционеров печально. Лидеры восстания были арестованы, после чего осуждены. Гавриил Татаринцев был пойман 25 февраля 1907 года в Цивильском уезде, а позже, 15 декабря 1908 года, вместе с подельниками Кузьмой Максимовым и Поликарпом Зубковым был приговорен к смертной казни через повешение [9, л. 226–230]. Остальные задержанные революционеры либо были высланы из слободы, либо отправлены на каторгу. Формально карательная система смогла справиться с поставленным перед ней вызовом, однако это восстание показало и существенные проблемы.

1. Полиция не могла в должной мере выполнять функции жандармерии и это лишь усугубляло положение дел. Все попытки чинов общей полиции «заменить» жандармов приводили лишь к неудачам. Так, например, 1 августа 1906 года вице-губернатор И. Ф. Кошко отправляет секретное письмо бугурусланскому исправнику Любенецкому, в котором говорит о том, что, по его информации, одно из нападений было совершено 18 июля, а сообщение о нем канцелярия губернатора получила лишь через 9 дней. В этом же письме у Кошко возникает ряд вопросов: почему донесли информацию лишь через 9 дней, арестован ли Татаринцев? [9, л. 53]. Стоит предположить, что эти дни, скорее всего, были потрачены на собственные попытки поиска и ареста Татаринцева и восстановления порядка в слободе, однако, как показывают дальнейшие события, успехом это не увенчалось и лишь усугубило ситуацию.

2. Критика губернатором руководства СГЖУ и нежелание проводить совместную работу открыто показывала кризис отношений власти с правоохранительной системой губернии. Этот кризис негативно сказывался на работе в борьбе с революцией и, естественно, использовался революционерами как возможность развала порядка.

3. Если рассматривать нападение на пристава Фролова и капитана Иванова 1 августа 1906 года как прямую связь с присутствием в губернии «революционных вожаков», можно сделать еще один вывод – у СГЖУ была плохая агентурная работа, которая не позволяла в должной степени быть эффективной всей деятельности жандармского управления. То, что Кошко не поверил ротмистру в присутствии в Кинель-Черкассах боевой революционной ячейки, может говорить о том, что помощник начальника СГЖУ наверняка обладал какой-то информацией, но, по-видимому, не имел четкой доказательной базы, а следовательно, и не мог в должной степени убедить вице-губернатора в своей правоте.

4. Руководство губернии опасалось дезертирства как со стороны стражников, так и со стороны солдат. Это подтверждают неоднократные рапорты исправника Любенецкого, в которых он говорит о неблагонадежности стражников, а также письмо И. Ф. Кошко на имя министра внутренних дел, в котором он просит моральной поддержки от государя: «...царское слово оживило бы всех чинов полка и воочью доказало бы что за царем по-прежнему служба не пропадает» [9, л. 78]. Это письмо приводит к выводу:

1) революционные силы в губернии к 1907 году были довольно крепки и уверенно действовали на массы, в любом другом случае опасаться их бы не стоило;

2) власть сомневалась в собственных силах и возможностях и боялась, что в условиях революции не только потеряет авторитет, но и не сможет защитить своих слуг.

Анализ состояния правоохранительной системы Самарской губернии во время первой русской революции на примере крестьянского восстания в Кинель-Черкассах доказывает то, что правоохранительная система России времен первой революции подверглась серьезным вызовам – как внешним, так и внутренним. Революционное движение, с одной стороны, а также межведомственные конфликты – с другой, показали, что правоохранительным органам Самарской губернии помимо организационных изменений были необходимы серьезные правовые межведомственные разграничения, которые позволили бы жандармам и полиции действовать более эффективно.

В своих мемуарах Иван Францевич опишет Кинель-Черкассы как село, население которого «издавна отличается крайне буйным поведением и во все тревожные времена здесь всегда происходили серьезные беспорядки» [8, с. 55], и ни капли не ошибется. Пройдет чуть меньше 15 лет и Кинель-Черкассы вновь выйдут на противостояние, но уже совсем с другой властью.

Список источников

1. Лаврёнова А. М. Тонкая синяя линия: жандармы и общество на закате империи: монография. М.; Берлин: Директмедиа Паблишинг, 2023. 516 с.
2. Адыгезалова Г. Э. Значение Манифеста 17 октября 1905 г. для конституционно-правового развития России // Юридический вестник Кубанского государственного университета. 2022. № 14 (3). С. 7–17. URL: <https://doi.org/10.31429/20785836-14-3-7-17> (дата обращения: 07.07.2025).
3. Виноградов В. В. Манифест от 17 октября 1905 г.: юридическая природа и содержание (из истории русского конституционализма) // Известия ВГПУ. 2015. № 6 (101). С. 181–186.
4. Тюкавкин В. Г., Щагин Э. М. Крестьянство в период трех революций. М.: Просвещение, 1987. 206 с.
5. Пайпс Р. Русская революция: в 3 кн. Кн. 1. Агония старого режима. 1905–1917. М., Захаров, 2005. 480 с.

6. Сивопляс И. Мужик в Государственной Думе // Онлайн-проект «Годы и люди». URL: <https://годы-и-люди.рф/entry/8683> (дата обращения: 01.07.2025).
7. Государственная Дума первого призыва. Портреты, краткие биографии и характеристики депутатов. М.: Возрождение, 1906. 110 с.
8. Кошко И. Ф. Воспоминания губернатора (1905–1914). Новгород – Самара – Пенза. Петроград: Содружество, 1916. 259 с.
9. Центральный государственный архив Самарской области (ЦГАСО). Ф. 3. Оп. 233. Д. 2042.
10. Токарева С. Н. Административно-исполнительные обязанности полицейских управлений Российской империи начала XX столетия // Власть. 2013. № 1. С. 141–145.
11. Казаков И. Д., Репинецкий А. И. Самарское губернское жандармское управление в контрреволюционной борьбе 1905–1917 гг. // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Исторические науки. 2022. Т. 4, № 4. С. 147–152.
12. ПСЗ. Собр. 2. СПб., 1967. Т. 42, № 44956.

Статья поступила в редакцию 27.01.2025; одобрена после рецензирования 11.04.2025; принята к публикации 23.06.2025.

The article was submitted 27.01.2025; approved after reviewing 11.04.2025; accepted for publication 23.06.2025.